

А.А. Кротов

НАПОЛЕОН И РУАЙЕ-КОЛЛАР*

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, доцент. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: krotov@philos.msu.ru

В статье рассматривается вопрос об отношении Наполеона к философским контроверзам его времени, к преподававшемуся в императорском университете спиритуализму. Затрагивается проблема идейной эволюции Наполеона, степени его знакомства с философскими идеями эпохи. Исходя из факта похвалы, высказанной им по адресу философии Руайе-Коллара, разбирается вопрос о том, что именно могло импонировать Наполеону в новой системе – ее общая направленность против «идеологов», причем для императора был важен не только результат, но и способ его достижения: безупречный, неотвратимый, изысканный. Доводы Руайе-Коллара о неполном познании сенсуалистами человека, об ограниченности их теории идей, о невозможности обосновать мораль, опираясь на развиваемые ими принципы, как представляется, вполне могли заслужить его одобрение. Равно как и выпады против темноты, метафоричности, гипотетичности многих философских положений, призывы к изгнанию их из науки, требование использовать лишь опору на установленные факты. Наконец, онтологическая схема – материя, душа, Бог, – заявленная Руайе-Колларом с самого начала его курса, в мировоззренческом отношении не вступала в явное противоречие со взглядами императора. Заметим, что, как и университетский профессор, он считал возможным заключить о бытии Бога исходя из совокупности наблюдаемых человеком явлений. Предсказывая падение школы «идеологов», вытеснение ее спиритуализмом в философском сознании эпохи, Наполеон оказался прав. Другое дело, что политические соображения, которые были важны для императора, не были побудительным стимулом ни для Руайе-Коллара, ни для тех философов, кто ценил его идеи и вдохновлялся ими. Конечно, философия в своем развитии подвержена влиянию социальных факторов, но не может быть сведена к политическому расчету.

Ключевые слова: Руайе-Коллар, французский спиритуализм, Наполеон, «идеологи», философия Просвещения, интеллектуальная культура Первой империи во Франции

Для цитирования: Кротов А.А. Наполеон и Руайе-Коллар // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 117–130.

* Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Официальной имперской философии в наполеоновской Франции не существовало. Вовсе не потому, что император не разбирался в философии. Напротив, с юношеских лет он имел довольно хорошее представление об идеях крупнейших просветителей. Причем не из «вторых рук»: произведения Руссо, Вольтера, Монтескьё, Рейналя, Мабли он изучал самостоятельно, нередко занося в тетрадь суждения прославленных авторов. Читал он и сочинения некоторых выдающихся религиозных мыслителей, в частности Боссюэ и Фенелона. Конечно, его сложно было бы назвать энциклопедистом, но об идеях, присутствовавших в современной ему философии, Наполеон был осведомлен неплохо. Он считал необходимым политическим шагом унификацию в области образования. Систему образования следовало подчинить единому принципу, практическим воплощением этой установки стал закон 1806 г. об императорском университете. В 1808 г. была провозглашена университетская монополия на образование. В рамках трехступенчатой системы начальное образование было доверено священнослужителям, среднее – лицам, высшее – университету. На уровне среднего образования, наряду с лицеями, допускались как многочисленные частные школы, так и духовные семинарии. Правда, все они были подотчетны специальным инспекторам и, по крайней мере номинально, считались находящимися под контролем университета. При этом задача выработки единой философской доктрины, официально одобряемой властями, никогда Наполеоном не ставилась.

Выпускник парижской военной школы, получивший назначение в Валанс, свое свободное время, насколько позволяли обязанности гарнизонной службы, в значительной степени посвящал книгам. Чтение становилось подлинной страстью юного Наполеона. Как вспоминал его старший брат Жозеф, когда Наполеон прибыл из Валанса в отпуск на Корсику, «он был страстным поклонником Жан-Жака, тем, кого мы называем обитателем идеального мира, любителем шедевров Корнеля, Расина, Вольтера, которых мы декламировали ежедневно. Он собрал сочинения Плутарха, Платона, Цицерона, Корнелия Непота, Тита Ливия, Тацита, переведенные на французский, сочинения Монтеня, Монтескьё, Рейналя»¹. Значительное влияние Руссо на мировосприятие юного Бонапарта отмечали многие исследователи. По образному выражению Фредерика Массона, интеллектуальные устремления этого младшего лейтенанта в сентябре 1786 г. выражаются краткой формулой: «Корсика и Руссо, вот весь Бонапарт 86-го года»². Жан Тюлар характеризует умонастроение Наполеона в мае того же года следующим образом: «Одно утешение: Руссо, которого он защищает в тексте, датированном 9 мая, против пастора из Женевы Рустана. И снова Корсика на втором плане»³. Среди самых ранних набросков Наполеона небольшой текст о Корсике, написанный в апреле 1786 г., вполне в духе Руссо содержит ссылки на «взаимный договор», «общественный договор». В этой своей работе Наполеон не ставит целью повторение чужих идей. Корсиканский патриотизм он облекает в руссоистские формулировки, стремится выдвинуть собственные аргументы в пользу тезиса о необходимости предоставления Корсике независимости. Он уподобляет корсиканский патриотизм римскому, восторгается своим соотечественником Паоли, в момент рождения которого корсиканцы, по его

¹ *Joseph, roi. Mémoires et correspondance politique et militaire.* T. I. Paris, 1853. P. 32–33.

² *Masson F., Biagi G. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon.* T. I. Paris, 1895. P. 140.

³ *Tulard J. Napoléon. Les grands moments d'un destin.* Paris, 2006. P. 27.

словам, были «подавлены более, чем когда-либо, гегуэзской тиранией». Юный Наполеон предлагает воображаемому читателю подискутировать на тему: имелось ли у корсиканцев право сбросить гегуэзское иго? Предрассудок повелевает осуждать народы, взбунтовавшиеся против своих правителей. Ибо властители якобы опираются на «божественные законы». Наполеон объявляет абсурдной попытку запрета целому народу сопротивляться угнетению. Ведь его оппоненты, настаивает он, должны допустить справедливость правления узурпатора, пришедшего к власти в результате убийства, в случае, если его гнусное деяние увенчалось успехом. Тогда преступник становится государем и, вроде бы, как и все правители, находится под защитой божественного закона. Если возразят, что он найдет свое наказание в загробном мире, легко заметить, что подобный довод применим вообще ко всем гражданским преступлениям и следует принять нелепое заключение, что они все должны оставаться безнаказанными в здешнем мире.

Наполеон предлагает читателю дилемму: либо народ устанавливает законы, подчиняясь при этом государю, либо их устанавливает правитель. В обоих случаях народ сохраняет право на сопротивление властям. Так как в первом случае государь обязан соблюдать соглашение и не должен становиться жестоким угнетателем. Во втором случае законы должны вести к счастью народа, если же они таковы, что обрушивают на людей множество бед, общественный договор аннулируется и подданные освобождаются от повиновения властителю. Легко заметить, что в основе сформулированной Наполеоном дилеммы в качестве предпосылки присутствует руссоистская концепция: законная власть покоится на соглашениях между людьми. Отсюда общий вывод, к которому он приходит: в силу природы общественного договора народ имеет право низложить государя, а значит, корсиканцы законно сопротивлялись угнетению со стороны гегуэзцев. Вывод относительно прошлого, недвусмысленно дает понять он читателю, распространяется также на настоящее и оправдывает сопротивление новым поработителям.

В мае 1786 г. в тексте, посвященном защите идей Руссо от критики со стороны Рустана, Наполеон заявлял: «но что Ж.-Ж., что автор *Эмilia*, *Общественного договора*, этот глубокий и проницательный человек, который употребил свою жизнь для изучения людей, что Руссо, который столь хорошо нам раскрыл маленькие пружины больших действий, извлек ложное заключение; что он плохо понимал принципы, вручившие христианские государства неистовству гражданских раздоров, именно в этом г. Рустан меня убедит с трудом»⁴. Философские размышления, опирающиеся на просветительские установки, очевидно, были привычны юному Бонапарту. Как отмечает Е.В. Тарле, характеризуя время, когда будущий император был вынужден нести гарнизонную службу, «способность к упорнейшему умственному труду, к долгому размышлению сказалась в нем уже в этот ранний период»⁵.

Со временем, под влиянием событий революционной эпохи, новых знаменств, своеобразно переосмысленного боевого опыта, мировосприятие его изменилось. Тьерри Ленц справедливо подчеркивает, что в период консульства Наполеон весьма негативно оценивал революционный пафос руссоизма. «Во время визита в Эрменонвиль, в 1802 году, он произнес надгробное слово о своих прежних иллюзиях. Говоря о Руссо, он провозгласил: “Для спокойствия Франции было бы лучше, чтобы этот человек никогда не суще-

⁴ *Napoléon Bonaparte*. Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. I. Paris, 2001. P. 52.

⁵ Тарле Е.В. Наполеон. СПб., 2012. С. 16.

ствовал»⁶. В эпоху империи Наполеон если и обращается к сочинениям Руссо в часы досуга, то главным образом к «Новой Элоизе» и «Исповеди». О философских трактатах своего прежнего кумира он не желает и слышать. В июле 1808 г., обрисовывая состав своей будущей походной библиотеки, предписывает: «Из Руссо не следует помещать ни *Эмиля*, ни множества писем, воспоминаний, речей и бесполезных рассуждений»⁷. Однажды, обращаясь к государственному совету, собравшемуся во дворце Тюильри, Наполеон заявил о ложности «принципа восстания», внушенного, по его словам, народу философами.

В эпоху Директории в философской жизни республики доминирует школа «идеологов», опиравшихся, прежде всего, на учение Кондильяка (Дестют де Траси, Кабанис, Вольней, Дежерандо и др.). Крупнейшие представители школы входили в состав Национального института, по классу моральных и политических наук, определяли тематику академических исследований. «Идеологи» были наследниками просветительских идей, в большинстве своем приветствовали брюмеринский переворот. Некоторые из них впоследствии вошли в состав сената. Но в дальнейшем они все чаще стали высказываться об ущемлении свободы в стране, что вызвало негативную оценку их деятельности со стороны Наполеона. Рассматривая философское сообщество близких по убеждениям людей, прежде всего, с политической точки зрения, он видел в нем рассадник оппозиционных настроений. Луи де Виллефос и Жанин Буиссуноз, характеризуя внутреннюю политику Наполеона, замечают: «“Идеолог”, на его языке, точно так же как “метафизик”, обозначает туманного интеллектуала, который желает противопоставлять идеи, принципы его политике, его решениям»⁸. С целью добиться уменьшения влияния «идеологов» на сознание сограждан проводится решение о ликвидации класса моральных и политических наук в Национальном институте (1803).

Наполеон нередко публично демонстрировал свое недовольство «идеологами». Так, во время одного из официальных приемов окружающие слышали, как он сказал Фонтану, которому была вверена университетская политика: «без метафизического вздора»⁹, направив красноречивый взгляд на Дестюта де Траси, одного из признанных лидеров школы, которого некогда приглашал с собой в египетскую экспедицию.

В подобном контексте вполне понятен интерес императора к философскому учению, подвергнутому критике доктрину «идеологов», выступившего с иной мировоззренческой программой. Это учение – спиритуализм, заявивший о себе в лице Руайе-Коллара в стенах Парижского университета. Наполеон на лекциях не присутствовал, но о деталях был осведомлен, поскольку поручил своему библиотекарю Антуану Александру Барбье докладывать обо всех интеллектуальных «новинках». «Руайе-Коллар, назначенный... в качестве замены Пасторе, профессором истории новой философии, с первой своей лекции 4 декабря 1811 г. решительно занял позицию против идей, представляемых им¹⁰, беспощадно критикуя систему Кондильяка. На следующий день Наполеон, введенный в курс дела своим библиотекарем Барбье, сказал Талейрану: “Известно ли Вам, господин великий электор, что

⁶ *Lentz T.* Napoléon. Paris, 2003. P. 22.

⁷ *Napoléon I.* Correspondance. T. 17. Paris, 1865. P. 400.

⁸ *Villemosse L., Bouissouneuse J.* L'opposition à Napoléon. Paris, 1969. P. 202.

⁹ *Picavet F.* Les idéologues. Paris, 1891. P. 23.

¹⁰ Т.е. Ларомигьером, профессором университета, принадлежавшим к «идеологам».

в моем университете возвышается новое, очень серьезное учение, которое вполне сможет оказать нам большую честь и совсем избавить нас от Идеологов, убивая их на месте с помощью рассуждения»¹¹.

Выдавал ли император желаемое за действительное, верно ли оценивал масштаб события, попавшего в его поле зрения? Присмотримся внимательнее к личности, вызвавшей с его стороны столь высокую похвалу. Пьер Поль Руайе-Коллар (1763–1845) был выходцем из третьего сословия. Он родился в Сомпюи (Шампань), с детства был приучен к чтению религиозной литературы, в особенности авторов Пор-Рояля. Он учился в коллежах Шомона и Сен-Омера, затем, в соответствии с желанием родителей, отправился в Мулен, предполагалось, что он станет священнослужителем. Но в итоге Руайе-Коллар предпочел занятия юриспруденцией. Он поступает клерком в контору своего дальнего родственника, посещает заседания судебной палаты, равно как и лекции по праву, наконец, становится лицензиатом и получает доступ к адвокатской практике. Начавшаяся революция произвела на него неизгладимое впечатление: «... не увидят снова того, что довелось видеть мне 14 июля! Т.е. единодушный народ. Единодушный, понимаете ли? Единодушный!»¹². Он приветствует взятие Бастилии, считает старый порядок, покоящийся на системе привилегий, изжившим себя. Когда разразилась революция, Руайе-Коллар находился в Париже. Вскоре он был избран в совет Парижской коммуны, куда также вошли Кондорсе и Редерер. На начальном этапе революции он придерживался политической линии мэра города, знаменитого астронома Байи. Руайе-Коллар становится секретарем Коммуны и сохраняет эту должность также при следующем мэре, Петионе. После падения монархии он выходит из состава совета Коммуны. Приход к власти якобинцев побуждает его вернуться в Сомпюи из-за опасения репрессий. Термидорианский переворот создает условия для возвращения Руайе-Коллара к политической деятельности; в 1797 г. он избирается в совет Пятисот от департамента Марна. Но события фрюктидора, инициированные Директорией, приводят к тому, что он теряет свой мандат. После определенных колебаний Руайе-Коллар соглашается возглавить парижский тайный совет претендента на трон, будущего Людовика XVIII. По-видимому, Руайе-Коллар считал, что после неизбежного падения Директории произойдет восстановление наследственной монархии, при сохранении всех основных завоеваний революции. Судьба распорядилась по-иному. В результате обмена письмами между графом Прованским и Бонапартом стало ясно, что предполагаемый «королевский коннетабль» не станет играть навязываемую ему роль. Тайный советник сообщил претенденту на престол о своей отставке. «Великая надежда умерла» – так характеризует умонастроение Руайе-Коллара в этот переломный момент Роже Ланжерон¹³.

В эпоху империи Руайе-Коллар сосредоточил свои силы на философских изысканиях. Он никогда не чувствовал симпатии к мыслителям XVIII в., за исключением Монтескье. Поэтому он обрушился на их продолжателей, представителей школы «идеологов». Отличную возможность для этого он получил благодаря Пасторе, профессору Парижского университета, который был включен в состав сената и рекомендовал Фонтану назначить на свою прежнюю должность именно Руайе-Коллара. Фонтан не сомневался

¹¹ *Alfaric P. Laromiguière et son école. Paris, 1929. P. 77.*

¹² *Spuller E. Royer-Collard. Paris, 1895. p. 19.*

¹³ *Langeron R. Un conseiller secret de Louis XVIII. Royer-Collard. Paris, 1956. P. 67.*

в правильности выбора: он был знаком с претендентом и даже сам настаивал, чтобы тот принял поступившее приглашение. В ноябре 1811 г. Руайе-Коллар занял новую для себя должность. На тот момент в университете уже приступил к преподаванию в качестве профессора философии Пьер Ларомигьер, один из весьма авторитетных «идеологов». В своих лекциях Ларомигьер, ссылаясь на Кондильяка, утверждал, что «ему мы обязаны идеями более точными, чем те, которые мы могли бы заимствовать у других философов, о способе, каким развертывается мышление, и о природе рассуждения»¹⁴.

На взгляды Руайе-Коллара существенное влияние оказало философское учение Томаса Рида, представителя шотландской школы «здравого смысла». По свидетельству одного из самых блестящих учеников Руайе-Коллара, Теодора Жуфруа, лекции первого года работы в университете нового профессора почти полностью состояли из комментариев к текстам Томаса Рида. Но вводная лекция, на основе отчета о содержании которой Наполеон вынес свое суждение о новой философии, не была комментарием, а представляла собой, по сути, философский манифест, краткую программу построения новой системы знаний.

В лекции, состоявшейся 4 декабря 1811 г., Руайе-Коллар выделял два объекта человеческой науки, души и тела. Природа делится на материальный и интеллектуальный миры, и кроме них человеку ничего не известно, какие бы усилия он ни прикладывал, чтобы выйти за предписанные ему границы. Соответственно, философия подразделяется на две части. Первую из них мыслитель называет естественной философией, и она изучает материальные тела. Вторая – философия в общепринятом, «собственном смысле слова», – изучает мыслящие сущности и, поскольку она интересуется содержанием различных сознаний и свойственным им познанием, не может обойтись без философского рассмотрения главных законов материального бытия. Каждый человек – духовное существо, носит в себе «мыслящий принцип», который, всякий это признает на основе собственного опыта, присущ и другим окружающим его людям. Определенную степень сознания Руайе-Коллар готов был признать и за животными, но подчеркивал, что она значительно ниже человеческой. Наконец, бытие Бога несомненно, поскольку в этом нас удостоверяет весь строй Вселенной: «... все, что нас окружает, свидетельствует о верховном разуме, который упорядочил эту обширную Вселенную, ею управляет и ее сохраняет»¹⁵.

Философские исследования, по Руайе-Коллару, должны начинаться с изучения человеческого ума. В самом себе человек находит инструменты познания. Законам мышления подчинены все доступные нам истины. Поэтому в истории философии надлежит обращаться, прежде всего, к изложению учений выдающихся мыслителей о человеческом уме. Философия, «рассматриваемая с самой возвышенной точки зрения, не что иное, как исследование законов, управляющих последовательностью феноменов в моральном порядке, точно так же, как физическом»¹⁶. Все разновидности философии берут исток в естественной склонности человека связывать наблюдаемые факты с теми или иными причинами. Чтобы не прийти в ходе философских исканий к поспешным и ошибочным заключениям, следует помнить мудрые указания Ньютона и Бэкона о том, что существование

¹⁴ *Laromiquiere P. Leçons de philosophie. T. I. Paris, 1826. P. 20.*

¹⁵ *Royer-Collard. Fragments philosophiques. Paris, 1913. P. 2.*

¹⁶ *Ibid. P. 3.*

предполагаемой причины должно быть бесспорным и она в действительности должна охватывать все приписываемые ей следствия. При всей кажущейся простоте подобных установок, они вносят здравый смысл в философию, а потому совсем не бесполезны.

По утверждению профессора философии, «природа никогда не лжет; но человеку часто случается плохо ее интерпретировать, принимая случайные и локальные соединения за неизменные и универсальные связи»¹⁷. Несмотря на различие психических и материальных феноменов, единые принципы «управляют естественной философией и философией человеческого ума». Прежде всего, в обеих областях знания надлежит опираться на строго зафиксированные и точно описанные факты. Кроме того, в обоих случаях научное знание представляет собой результат обобщения фактов. Но есть и различия, которыми объясняется медленное развитие исследований человеческого ума по сравнению с познанием материального мира. Критерий истины в физике – опыт, касающийся наблюдения внешних вещей. В философии человеческого ума помимо бесчисленных, подвижных, непрестанно меняющихся фактов необходимо принимать во внимание активность самого человека, этого деятельного, «морального и социального существа». Человек – не изолированный дух, к тому же в своих действиях он вовсе не разграничивает способности, которые требует различать метод. Слишком много факторов, и все следует постигать в единстве – таково положение дел в области изучения разума. Затрудняют исследование и ловушки языка. Исходный словарный запас формируется под давлением потребностей и в большинстве своем содержит обозначения внешних предметов. В дальнейшем, когда рефлексия систематически направляется на сознание, привычка мыслить, используя внешние образы, затрудняет постижение внутреннего мира. «Злоупотребление образными терминами, быть может, самый богатый источник нелепостей, в которые впадали древние философы, и новая философия, в общем, более осмотрительная, недостаточно избежала выстраивания теорий на метафорах»¹⁸. Поэтому философия закономерно оставалась довольно темной наукой, а многие и вовсе разочаровывались в возможности обрести истину.

Философия должна достичь точности, ей надлежит открыть причины, действующие в интеллектуальной сфере, истинные законы человеческого ума. Она неизбежно потерпит неудачу в случае, если станет апеллировать к причинам, существование которых проблематично или же которые не объясняют всех анализируемых феноменов. Именно этим, не самым продуктивным путем шли многие авторы прежних эпох. Древние философы пытались при поиске интеллектуальных причин оперировать «материальными аналогиями», отсюда ложные доктрины, например учение о вечных идеях у Платона. «Новая философия, располагающая более точными методами, подкрепляет большую часть своих систем достоверными фактами; но, поглощенная претенциозным замыслом свести всего человека к единому факту, она вынуждена преувеличивать могущество причин и оказываться недостаточно строгой в объяснении феноменов, которых они несколько не достигают»¹⁹. Руайе-Коллар пояснял своим слушателям, что охарактеризованная им линия развития новой философии наиболее ярко проявила себя

¹⁷ Royer-Collard. *Fragments philosophiques*. Paris, 1913. P. 4.

¹⁸ Ibid. P. 7.

¹⁹ Ibid. P. 8.

во Франции. Менее амбициозные учения получили распространение за рубежом, у народа, которому «мы обязаны светом методов». При этом он ссылается на философов Эдинбурга и Глазго, заслугу которых видит в том, что они провозгласили тезис о множестве первоначальных фактов и, проявляя осмотрительность, даже не стали настаивать на каком-либо их определенном количестве. Впрочем, он тут же дает понять соотечественникам, что не склонен принижать значение национальной традиции в философии: Декарт «навсегда подчинил авторитет разуму», поэтому всякая философия отныне – наследница картезианского духа. «Революция, которую он произвел и которая ничуть не погибнет, быть может, самая выдающаяся услуга, которая была оказана человеческому уму. Декарт обновил все принципы философии; он безвозвратно изгнал рассуждение по аналогии древних; он впервые отделил интеллектуальные феномены от чувственных феноменов»²⁰. Выдающиеся мыслители последующих времен двигались по пути, открытому именно Декартом. И все-таки картезианская модель построения философии для Руайе-Коллара кажется недостаточной, так как скрывает немало изъянов, прежде всего, в методологическом плане. Декарт, по его мнению, упустил из вида обоснованный Бэконом истинный способ совершения открытий. В то время как в науке надлежит постепенно и неторопливо восходить от наблюдения следствий к их причинам, Декарт возомнил, что способен завоевать знание причин одной лишь «силой своего гения». Ошибка Декарта в том, что он бездоказательно заключил, будто в интеллектуальном, как и чувственном, мире совокупность феноменов объясняется одной-единственной причиной. В результате божественный замысел предстает скроенным по человеческой мерке. Декарт «взялся построить здание науки о человеке и Вселенной единственно на основе мысли, с идеями в качестве всего материала»²¹. Несостоятельность подобного замысла видна уже в том, что ему пришлось доказывать с помощью рассудка существование физического мира. Он не преуспел в этом; неудача постигла и тех, кто попытался решить эту задачу вслед за ним, – Мальбранша и Локка. В итоге Беркли, ловко используя аргументы предшественников, вообще отрицал существование материи, выстроив систему, кажущуюся совершенной силлогистической конструкцией. Лучшим мерилom оценки подобной системы, по Руайе-Коллару, в большей степени служит здравый смысл, чем изощренное рассуждение.

Наконец, не называя имен, профессор подвергает разгромной критике просветительский сенсуализм, сторонниками которого выступали «идеологи». Он упрекает своих оппонентов в упрощенном, прямолинейном понимании человека, в придании чрезмерного значения ощущениям в познавательном процессе. Он недвусмысленно дает понять слушателям, что, на его взгляд, невозможно свести мышление к ощущению. Отрицает он и возможность построения истинной морали, основываясь только на чувственных данных. При этом он рассматривает просветительский сенсуализм в качестве наследника картезианских ошибок, уже на его лекции обозначенных. «С большим искусством и с меньшей гениальностью, французские ученики Локка подражали Декарту, следуя, впрочем, другому направлению. По его примеру они поставили себе целью извлечь все феномены мысли из одного факта; и, как и он, вместо того, чтобы восходить к этому факту через анализ, они опускаются к нему через синтез и составляют человека вместо того,

²⁰ Royer-Collard. Fragments philosophiques. Paris, 1913. P. 8.

²¹ Ibid. P. 9.

чтобы его анализировать. Но существо, которое выходит таким способом из их рук, действительно ли оно человек, каким он вышел из рук Создателя? Они ничего не забыли? Какой опыт нас удостоверит в том, что ощущения достаточно, чтобы оплодотворять все области ума и чувства?...Разве ощущение воспринимает, вспоминает, судит, рассуждает, воображает? Разве в ощущении начертан вечный порядок прав и обязанностей?»²²

Руайе-Коллар призывал своих слушателей изучать действительные предметы, а не подчинять суждения воображению. Воображение – область гипотез, к подлинному философскому методу отношения не имеющих. Намек вполне прозрачен: на необоснованные гипотезы опираются французские приверженцы принципов сенсуализма.

Философия, по его мнению, вполне может стать наукой, по своей точности ни в чем не уступающей геометрии. При этом необходимо внести большую ясность и в ее историю. Ссылаясь на Бэкона, Руайе-Коллар говорил о двух различных частях истории философии, охватывающих факты, под которыми он понимал системы прошлого, и индукции, эти факты обобщающие. Что касается систем, первоочередной задачей историка является постижение их духа. Задача непростая, требующая и изрядных знаний, и значительных усилий: ведь отнюдь не все системы кристально прозрачны, многие далеки от исследователя и по времени и по языку, нередко воспринимаются сквозь призму предрассудков или груза собственной доктрины. В отношении обобщений, связанных с историей великих учений, Руайе-Коллар высказался вполне ясно: философские мнения – следствия причин, коренящихся в интеллектуальных способностях человека. Опираясь на индукцию, следует восходить к этим причинам, установление которых – важнейший результат истории философии. «Системы, рассмотренные с этой точки зрения, самый ценный материал; так как мнения гениальных людей всех веков предлагают самый обширный и самый поучительный опыт, который производился над человеческим умом. Только бы мы умели открывать в этих мнениях принципы, которые они заключают в себе, эти принципы – привычки ума, они – сам человек. Как только разум достигает этих высот, история философии представляется ему в новом аспекте». Руайе-Коллар провозглашает, что, по существу, правильно выстроенный «курс истории философии был бы в некотором роде курсом философии, где исторический анализ занимал бы значительное место»²³.

В истории философии, по Руайе-Коллару, аналогия между системами должна устанавливаться не с помощью хронологии, а благодаря «методической зависимости». Эту задачу еще предстоит выполнить: «фундаментальные отношения» между системами еще не были четко определены и, соответственно, не получили общего признания в науке. Он призывает следовать в качестве предварительного методу, упорядочивающему различные доктрины в соответствии с разделением способностей человеческого ума.

Таким образом, концепция Руайе-Коллара и заключает в себе определенную трактовку философии как научного знания, и намечает главные линии в построении онтологии, гносеологии, антропологии. Довольно кратко, но в ее рамках обозначены также принятые им принципы изучения истории философии, эскизно представлены обобщенные оценки античной и новоевропейской интеллектуальной традиции. Спиритуалистический характер его

²² Royer-Collard. *Fragments philosophiques*. Paris, 1913. P. 9–10.

²³ Ibid. P. 12–13.

учения по праву воспринимался его современниками как вызов ряду ведущих установок просветительской мысли.

Что именно могло импонировать Наполеону в новой философской системе, границы которой были обозначены ее автором декабрьским днем 1811 г.? Конечно, ее общая направленность, о чем он прямо сказал Талейрану. Но ведь система не могла бы удостоиться его похвал, если бы за отмеченной им критической ее частью не стояла позитивная программа, против которой император не возражал. Если бы она показалась ему абстрактной и туманной, то не привлекла бы никакого внимания. При этом вряд ли принципы исследования истории философии, провозглашенные Руайе-Колларом, могли быть важны для императора. Ему было сложно их оценить: он хорошо разбирался в идеях современной ему просветительской мысли, но не в тонкостях философских концепций предшествующих веков. Очевидно, в его глазах немалую ценность имела прежде всего аргументация, направленная Руайе-Колларом против сенсуалистической доктрины, лежавшей в основании учения «идеологов». «Убивая их на месте с помощью рассуждения»: для императора был важен не только результат, но и способ его достижения. Безупречный и сугубо философский. Доводы Руайе-Коллара о неполном познании сенсуалистами человека, об ограниченности их теории идей, о невозможности обосновать мораль, опираясь на развиваемые ими принципы, как представляется, вполне могли заслужить его одобрение. Равно как и выпады против темноты, метафоричности, гипотетичности многих философских положений, призывы к изгнанию их из науки, требование использовать лишь опору на установленные факты. Наконец, онтологическая схема – материя, души, Бог, – заявленная Руайе-Колларом с самого начала его курса, в мировоззренческом отношении не вступала в противоречие со взглядами императора. Заметим, что, как и университетский профессор, он считал возможным заключить о бытии Бога исходя из совокупности наблюдаемых человеком явлений: «Все свидетельствует о существовании Бога, это несомненно»²⁴.

Лекции по истории философии Руайе-Коллар читал в университете на протяжении двух с половиной лет. Фрагменты лекций второго (1812–1813) и третьего (1813–1814) годов его преподавательской деятельности опубликовал Теодор Жюфруа в 1828 г., в качестве приложения к сделанному им переводу сочинений Томаса Рида. Руайе-Коллар анализировал, с разной степенью детализации, различные аспекты учений Декарта, Кондильяка, Локка, Мальбранша, Лейбница, Беркли, обращался к проблемам причинности, субстанции, пространства, первичных и вторичных качеств и т. д.

В эпоху Реставрации он оставляет преподавание, возвращаясь к политической деятельности: становится государственным советником, затем председателем королевской комиссии народного просвещения. Он был награжден орденом Почетного легиона (1814), вошел в состав Французской академии (1827). Будучи избран в палату депутатов, Руайе-Коллар становится лидером группы, дистанцировавшейся и от большинства либералов, и от ультрароялистов. «Для них ни король, ни народ не были суверенами. Руайе-Коллар дошел даже до того, что сказал, что не существует другого суверенитета в обществе, которое желает быть свободным, чем суверенитет

²⁴ *Napoléon I. Correspondance*. Т. 32. Paris, 1869. P. 268.

разума»²⁵. Руайе-Коллар считал необходимым поддерживать монархический принцип, но с определенными ограничениями, выступая против возврата к «старому порядку». В период правления Карла X он был назначен председателем палаты депутатов (1828–1830). Именно он зачитал королю, явившись в Тюильри, обращение парламентской комиссии, составленное оппозиционно настроенными депутатами. Ответом была приостановка деятельности палаты депутатов, затем последовали знаменитые Ордонансы, непосредственно предшествовавшие революции. Во времена июльской монархии, вплоть до 1839 г. Руайе-Коллар продолжал заседать в палате депутатов, но уже не отличался политической активностью.

Насколько прав был Наполеон в своей высокой оценке философского значения идей Руайе-Коллара? Определенно можно утверждать, что он ничуть не заблуждался в отношении важности для французской философской мысли нового учения. Это обстоятельство подтверждают многочисленные исследователи европейской интеллектуальной истории последних двух столетий. Так, например, А. де Барант следующим образом характеризует манеру лекций Руайе-Коллара и значение их для французской культуры начала XIX в.: «...это не была блестящая импровизация, внезапное выбрасывание мысли, которое вызывало аплодисменты. Г-н Руайе-Коллар заранее подбирал идеи, о которых он должен был беседовать со своими слушателями, и быстро набрасывал их на бумагу. Медленное и акцентированное чтение было часто прерываемо пространными дополнениями, которые придавали ясность и очевидность самым тонким различиям, самым лаконичным утверждениям. Иногда он слушал и даже провоцировал возражения или вопросы; тогда обучение становилось разговором, более поучительным, чем монолог профессора. Это серьезное и почти суровое лицо, эта степенная и часто повелительная речь, эта революция, предпринятая против философии, до того времени принятой в качестве окончательной, придали большое движение умам и стали традицией Высшей нормальной школы. Это явилось отправным пунктом нового поколения, которое оказало честь философии и Франции»²⁶. Жан Филибер Дамирон отмечает, что в момент начала преподавательской деятельности Руайе-Коллара «ничто, казалось, еще не предвещало реакции против учений Кондильяка», кондильяковская школа была «повсюду, в сочинениях, наиболее заслуживавших рекомендации своими литературными достоинствами, как и в наиболее изысканном обучении». Поначалу казавшийся одиноким мыслителем, Руайе-Коллар сумел увлечь за собой многих слушателей: «...его лекции начинались как обязательные, потом их стали понимать, встречать с согласием и убежденностью; и с тех пор началось, в оппозиции к Кондильяку, философское движение, которое родилось в последние дни империи»²⁷. Эмиль Брейе рассматривает Руайе-Коллара в качестве одного из предшественников особого направления XIX в., которому дает такого рода оценку: «...во Франции развивается, начиная с Реставрации, спиритуалистическая метафизика, которая стремится достичь универсальные духовные реальности, Бога и душу, отправляясь от внутреннего наблюдения»²⁸. Гийом де Бертье де Совиньи подчеркивает, что спиритуализм Руайе-Коллара, получивший «благословение Наполеона», с самого начала был «враждебен Кондильяку» и противостоял «философии

²⁵ Spuller E. Royer-Collard. Paris, 1895. P. 136.

²⁶ Barante A., de. La vie politique de M. Royer-Collard, ses discours et ses écrits. T. I. Paris, 1861. P. 111–112.

²⁷ Damiron Ph. Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle. T. 2. Paris, 1834. P. 130–132.

²⁸ Bréhier E. Histoire de la philosophie. Paris, 2004. P. 1291.

ощущения», опираясь на «очевидность общих верований человечества и реальности, непосредственно данные сознанию»²⁹.

Философии Руайе-Коллара не было суждено долгие годы играть первую роль в интеллектуальной культуре эпохи. Во французской университетской среде лидирующие позиции переходят к родственным, но все же иным формам спиритуализма. Причем эти формы, генетически связанные с его учением, могут рассматриваться как своеобразное его продолжение и развитие. Предсказывая падение школы «идеологов», вытеснение ее спиритуализмом в философском сознании эпохи, Наполеон оказался прав. Другое дело, что те политические соображения, которые были важны для него, не были побудительным стимулом ни для Руайе-Коллара, ни для тех философов, кто ценил его идеи и вдохновлялся ими. Конечно, философия в своем развитии подвержена влиянию социальных факторов, но не может быть сведена к политическому расчету.

Список литературы

- Tarle E.V.* Наполеон. СПб.: Азбука, 2012. 512 с.
- Alfaric P.* Laromiguière et son école. Paris: Ophrys, 1929. 324 p.
- Barante A., de.* La vie politique de M. Royer-Collard, ses discours et ses écrits. T. I–II. Paris: Didier, 1861.
- Berthier de Sauvigny G., de.* Royer-Collard // Dictionnaire des philosophes. Paris: Albin Michel, 2001. P. 1344–1345.
- Bréhier E.* Histoire de la philosophie. Paris: PUF, 2004. 1790 p.
- Damiron Ph.* Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle. T. 2. Paris: Hachette, 1834. 408 p.
- Joseph, roi.* Mémoires et correspondance politique et militaire. T. I–X. Paris: Perrotin, 1853–1854.
- Langeron R.* Un conseiller secret de Louis XVIII. Royer-Collard. Paris: Hachette, 1956. 255 p.
- Laromiguière P.* Leçons de philosophie. T. I–III. Paris: Brunot-Labbe, 1826.
- Lentz T.* Napoléon. Paris: PUF, 2003. 127 p.
- Masson F., Biagi G.* Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon. T. I–II. Paris: Ollendorff, 1895.
- Napoléon Bonaparte.* Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. 1–3. Paris: Claude Tchou, 2001.
- Napoléon I.* Correspondance / Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 1–32. Paris: Plon, 1858–1869.
- Picavet F.* Les idéologues. Paris: Félix Alcan, 1891. 628 p.
- Royer-Collard.* Fragments philosophiques. Paris: Félix Alcan, 1913. 325 p.
- Spuller E.* Royer-Collard. Paris: Hachette, 1895. 215 p.
- Tulard J.* Napoléon. Les grands moments d'un destin. Paris: Fayard, 2006. 623 p.
- Villefosse L., Bouissounouse J.* L'opposition à Napoléon. Paris: Flammarion, 1969. 418 p.

²⁹ *Berthier de Sauvigny G., de.* Royer-Collard // Dictionnaire des philosophes. Paris, 2001. P. 1344.

Napoleon and Royer-Collard***Artem A. Krotov**

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: krotov@philos.msu.ru

The paper explores Napoleon's attitude towards the philosophical controversies of his time and to the spiritualism that was taught at the Imperial University. Napoleon's ideological evolution, and the extent to which he was acquainted with the philosophical ideas of his epoch is also discussed. In light of Napoleon's praise of Royer-Collard's philosophy, the author looks for the object of Napoleon's approval in the new system. The author suggests that it was the general orientation against "ideologists" (something Napoleon acknowledged in his communication with Talleyrand). Not only the orientation against "ideologists" was important for the emperor, but also the way in which it was established: flawless, inescapable, refined. It is argued that Napoleon could approve of Royer-Collard's arguments about the incompleteness of the knowledge of man that sensualists possessed, the limitations of their theory of the ideas, and their inability to justify virtue with their own principles. Among other possible reasons behind his approval are Royer-Collard's attacks on the lack of clarity, the metaphorical and hypothetical character of many philosophical assumptions of the "ideologists", his appeals for their expulsion from science, the demand to rely only on established facts. Finally, Royer-Collard's ontological scheme – matter, soul, God – was not in opposition to the emperor's worldview. It is remarkable that Royer-Collard, as any other university professor of his time, found it possible to derive the existence of God from the overall collection of the phenomena observed by the man. Napoleon proved to be right in his prediction of the fall of the school of "ideologists" and its replacement by the contemporary spiritualist ideas. However, his political ideas, which the emperor also thought to be important, never became an incentive either for Royer-Collard or for other philosophers, who valued his thinking and were inspired by it. Of course, the philosophy in its development is subject to the influence of social factors, but it can't be completely reduced to a political calculation.

Keywords: Royer-Collard, French spiritualism, Napoleon, «ideologists», philosophy of Enlightenment, the intellectual culture of the first Empire in France

For citation: Krotov, A. A. "Napoleon i Ruaiе-Kollar" [Napoleon and Royer-Collard], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 117–130. (In Russian)

References

- Alfaric, P. *Laromiquière et son école*. Paris: Ophrys, 1929. 324 pp.
Barante, A. de. *La vie politique de M. Royer-Collard, ses discours et ses écrits*, T. I–II. Paris: Didier, 1861.
Berthier de Sauvigny, G. de. "Royer-Collard", *Dictionnaire des philosophes*. Paris: Albin Michel, 2001, pp. 1344–1345.
Bréhier, E. *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF, 2004. 1790 pp.
Dameron, Ph. *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIX siècle*, T. 2. Paris: Hachette, 1834. 408 pp.
Joseph, roi. *Mémoires et correspondance politique et militaire*, T. I–X. Paris: Perrotin, 1853–1854.

* The paper presents the results of research conducted within the leading scientific school of Lomonosov Moscow State University "Transformation of culture, society and history: philosophical and theoretical understanding".

- Langeron, R. *Un conseiller secret de Louis XVIII. Royer-Collard*. Paris: Hachette, 1956. 255 pp.
- Laromiguiere, P. *Leçons de philosophie*, T. I–III. Paris: Brunot-Labbe, 1826.
- Lentz, T. *Napoléon*. Paris: PUF, 2003. 127 pp.
- Masson, F. et Biagi, G. *Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786–1793), accompagnés de notes sur la jeunesse de Napoléon*, T. I–II. Paris: Ollendorff, 1895.
- Napoléon I. *Correspondance*, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III, T. 1–32. Paris: Plon, 1858–1869.
- Napoléon Bonaparte. *Oeuvres littéraires et écrits militaires*, T. 1–3. Paris: Claude Tchou, 2001.
- Picavet, F. *Les idéologues*. Paris: Félix Alcan, 1891. 628 pp.
- Royer-Collard. *Fragments philosophiques*. Paris: Félix Alcan, 1913. 325 pp.
- Spuller, E. *Royer-Collard*. Paris: Hachette, 1895. 215 pp.
- Tarle, E. V. *Napoleon*. St. Petersburg: Azbuka Publ, 2012. 512 pp. (In Russian)
- Tulard, J. *Napoléon. Les grands moments d'un destin*. Paris: Fayard, 2006. 623 pp.
- Villefosse, L. et Bouissounouse, J. *L'opposition à Napoléon*. Paris: Flammarion, 1969. 418 pp.